

зиться с одним всадником, вызвавшим его на бой, и выстрелил на столь близком расстоянии, что уложил его. С тех пор он отказывался от многих назначений, желая командовать только первой ротой, которую и получил.

Когда Аршиак был осажден, Обинье находился под Коньяком, но нашел возможность ворваться в город и провести солдат, нагруженных порохом; один из них, желая запалить фитиль, поджег свою ношу, вследствие чего лишился зрения.

Знаменосец Аньера Бланшар, впоследствии прозванный Ключо, и Обинье повели добровольцев на штурм Коньяка и там, на рынке, встретив решительный отпор со стороны полицейских сержантов, еще решительней бросились в сражение, в особенности Обинье. Одетый в один лишь камзол, он атаковал баррикаду у подъемного моста, опрокинув один буфет и два сундука; так, зайдя с тылу, со стороны города, он взял ее, но потерял, однако, нескольких своих славных солдат. За проявленную удачу Аньер оказал ему честь, поручив вести переговоры о сдаче. В этом деле один дворянин был поднят подъемным мостом и возвращен только вместе с крепостью. Последним из военных приключений Обинье в этой войне явилось взятие Понса²⁶, каковое описано в конце 24-й главы в книге пятой.

Следует прибавить, что на обратном пути, когда еще тянулись мирные переговоры и полк Аньера с опаской проходил мимо Руана, наш новый знаменосец получил разрешение ввести в бой тридцать конных аркебузирова, доблестно держал себя в деле с бароном де ла Гардом²⁷, угрожавшим разбить полк, принял на себя атаку, и этим спас своих товарищей. Через два часа изнурительная лихорадка уложила его в постель. Он решил, что умирает, и заговорил так, что у посетивших его военачальников и солдат волосы встали дыбом: он мучился угрызениями совести, каясь в том, что под его предводительством солдаты совершали грабежи, и особенно в том, что не смог наказать солдата Оверньяка, который без всякой причины убил одного старого крестьянина²⁸. Он обвинял себя в том, что осмелился начальствовать, когда возраст еще не дал ему на это права. Эта болезнь совершенно изменила его, и он опять стал самим собою.

По окончании третьей гражданской войны и заключении мира²⁹ его опекун дал ему вместо всех его ценностей немного денег и купчую на землю в Ландах. Хоть и страдая от перемежающейся лихорадки, Обинье отправился в Блуа. Там выяснилось, что комендант дворца герцога де Лонгвиля объявил себя наследником Обинье, воспользовался его имуществом и, встретив его точно самозванца, вызвался доказать ему, что Обинье убит, прибавив, что он располагает верными свидетелями его смерти, такими как Савиньяк. Потрясенный этим